

Елена Петровна
БЛАВАТСКАЯ

ЗАГАДОЧНЫЕ
ПЛЕМЕНА
НА ГОЛУБЫХ
ГОРАХ

Елена Петровна Блаватская
Загадочные племена
на «Голубых горах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155821

Содержание

Несколько слов предисловия	4
Глава 1	12
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Загадочные племена

Елена Блаватская

Загадочные племена

на

«Голубых горах»

в дебрях Индии

Несколько слов предисловия

Недавно одна большая лондонская газета делала саркастические замечания о том, что русские ученые, а русская публика – тем более, имеют весьма смутные понятия об Индии вообще и о ее народностях – в частности.

На эту новую британскую «инсинуацию» каждый русский мог бы, при случае, задать первому встречному англо-индийцу такой вопрос:

«Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете с большей части подвластных вам народов Индии? На чем, например, порешили ваши лучшие этноло-

ги, ваши знаменитейшие антропологи, филологи и статистики свой полувековой спор насчет, словно с неба свалившегося, таинственного нильгирийского племени тоддов? Что известно вашему «Королевскому Обществу», – хотя члены его вот уже около столетия из кожи лезут, чтобы выяснить этот вопрос, – о загадочных племенах «Голубых гор»? О страх наводящих, ужас внушающих карликах, именуемых муллу-курумбами? О яннади, кхотгах, эрулларах, бадагах: то есть о пяти племенах Нильгири и о десятках: других, менее таинственных, но столь же мало приведенных в известность больших и малых племенах, живущих на других горах?..»

В ответ на все эти вопросы, если, паче чаяния, британец почувствует себя в припадке честной откровенности (проявление в нем весьма редкое), оклеветанный русский ученый к путешественник может услышать следующую неожиданную исповедь:

«Увы! Мы ровно ничего о них не знаем. Существование их нам известно только потому, что мы встречаем их, часто бьем и колотим, а подчас и вешаем, но, с другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия ни о происхождении, ни о языке большинства этих дикарей, менее всего о нильгирийцах. Наши англо-индийские, как и отечественные ученые чуть не сошли с ума на одних тоддах. Поистине, это племя составляет загадку этнологов нашего века и, как кажется, загадку неразрешимую. И не только для нас, европейцев, но и для самих индусов, прошлое этого крошечно-

го численностью племени покрыто непроницаемую завесою вековой тайны... Все в нем необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все, как было с первого дня, когда мы нежданно-негаданно наткнулись на него, так и осталось до сего дня загадкой сфинкса!..»

Так ответил бы всякий честный англо-индеец русскому. Так ответил мне один английский генерал, – о котором упомянем еще не раз далее, – на мои расспросы о тоддах и курумбах.

«Тодды! Курумбы!» – почти закричал он, придя в азарт. – Тодды почти свели меня с ума одно время, а муллу-курумбы доводили меня не раз до белой горячки! Как и почему, – узнаете после. Но, слушайте. Если кто из наших правительственных идиотов (dunces) скажет вам, что он хорошо знает и даже изучил тоддов, то скажите ему от меня, что он хвастает и лжет. Этих племен никто не знает. Их происхождение, религия, язык, обряды, предания, все это terra incognita для ученого, как и для профана... А их удивительная «психическая сила», как ее называет Карпентер,¹ их так называемое колдовство и дьявольские чары, кто может нам растолковать эту силу? Это непонятное, ничем необъяснимое их влияние на людей и зверей; у тоддов – к добру, у курумбов – ко злу, кто может разгадать, показать нам, что это такое, какая это сила, которую они орудуют по своему усмотрению? У себя

¹ Identification Society of London, имеющее своим предметом вопрос о «потерянных племенах»; общество чрезвычайно богатое и один из курезов Англии.

дома мы, понятно, смеемся над нею и их претензиями. Мы не верим в магию и называем веру в нее туземцев суеверием, ерундой. Мы и не посмеем ей поверить. Во имя нашего расового превосходства и всеотрицающей цивилизации, мы обязаны отвергаться от такой чепухи. И однако же наш закон признает фактически эту силу, если не в принципе, то в ее проявлениях, наказывая обвиняемых в ней под разными замаскированными предлогами и пользуясь многими лазейками нашего законовещения... Этот закон признал и самих колдунов, повесив вместе с их жертвами и некоторых из них, не только за кровавые, но и за те бескровные, таинственные убийства их, которые никогда еще не были легально доказаны, в тех драмах, которые так часто разыгрываются здесь между колдунами Нильгири, с одной, и туземцами долин, с другой стороны...»

«Да, вы правы; вы имеете основание смеяться над нами и нашими тщетными усилиями, продолжал он, – потому что, невзирая на все наши старания, со дня открытия этих грязных магов и колдунов в тущобах Нильгири («Голубых гор»), мы не продвинулись ни на один вершок в разрешении вопросов о них. Более всего нас раздражает эта поистине чародейственная в них сила, опровергнуть проявления которой мы не в состоянии, так как для этого нам пришлось бы бороться ежедневно против неопровержимых доказательств... Отвергая объяснения этих фактов туземцами, мы только запутываемся в гипотезах собственного изделия.

Отвергая реальность так называемого колдовства и чар, и, вместе с тем, вешая колдунов, мы просто являемся в нашем противоречии грубыми палачами людей, чьи преступления не только еще не доказаны, но и отрицаются нами в самой возможности... То же самое мы можем сказать и относительно тоддов. Мы смеемся над ними и все-таки глубоко уважаем это загадочное племя... Кто они, что они такое? Люди или гении этих гор, боги под засаленными лоскутьями человечества? Все предположения о них отскакивают, как резиновый мячик от гранитной скалы... Так и знайте вперед, ни о тоддах, ни о курумбах вам ничего верного не скажут ни англоиндийцы, ни сами туземцы, а не скажут потому, что они сами ровно ничего о них не знают; да никогда и не узнают...»

Так говорил мне нильгирийский плантатор, отставной генерал-майор и судья на «Голубых горах», отвечая на все мои вопросы об интересующих меня давно тоддах и курумбах. Мы стояли против скал «Озера», и когда он замолчал, долго еще слышали, как горное эхо, пробужденное его громким голосом, повторяло насмешливо и замирая: «не уз-на-ют... не уз-на-ют!»

А ведь действительно интересно было бы узнать! Такое открытие касательно тоддов было бы, пожалуй, позанимательней даже нового открытия о десяти потерянных племенах Израиля, которые «Общество Отождествления» – вдруг нечаянно и негаданно открыло теперь в англичанах.

А теперь дадим пока, что знаем. Но прежде мы должны

сказать несколько слов.

Избрав в этих заметках главными героями тоддов и мулу-курумбов, мы чувствуем, что вступаем на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими учеными, ни неучеными европейцами, менее же всего желающею угодить массам печатью. Всем нам ведомо, как упорно она чурается всего, что близко ли, далеко ли напоминает читателям о «духах» и спиритизме. Но говоря о «Голубых горах» и их странных племенах, нам совершенно невозможно умолчать о том, что составляет их главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголок земного шара, а главное – его загадочные, ни на кого другого не похожие племена, выкидывать из рассказа то, на чем вся их бытовая и религиозная жизнь построена. По крайней мере, сделать это в отношении тоддов и курумбов также немислимо, как ставить на сцене «Гамлета», выкинув из пьесы принца Датского. Тодды и курумбы рождаются, растут, живут и умирают в атмосфере колдовства. Если верить рассказам туземцев и даже старожилков на этих горах из европейцев, то эти дикари находятся в постоянном общении с невидимым миром. Поэтому если в этой гирлянде географических, этнологических, климатических и многих других аномалий природы наш рассказ станет, развиваясь, перемешиваться, как пшеница с плевелами, со всяческою, извиняюсь за выражение, чертовщиной, или с аномалиями человеческой природы

в области трансцендентальной физики, то вина в том, право, не наша. Зная, как эта область не жалуема гг. естественниками, мы бы душевно были рады осмеять, как они, все места как далекие, так и «не столь отдаленные» этой нелюбимой страны: да совесть не допускает. Нельзя братья описывать совсем новые племена, мало кому известные расы, не затрагивая, в угоду скептикам, самой характеристичной, рельефной черты их повседневной жизни.

Факты налицо. Простые ли они последствия ненормальных и чисто физиологических явлений, по излюбленной теории медиков: или же результаты проявлений (наверное, столь же естественных) сил природы, которые кажутся науке (в ее настоящем неведении) невозможными и несуществующими и поэтому отвергаются – для вашего дела это не составляет ни малейшей разницы. Мы заявляем, как уже сказано, только *факты*. Тем хуже для науки, если она еще ничего о них не узнала; а не зная о них ничего, все-таки продолжает называть их «диким абсурдом», «грубым суеверием» да «бабьими сказками». К тому же притворяться неверующим и смеяться над верой других в то, что сам признаешь за доказанные реальные явления, не допускающие ни малейшего сомнения, не есть дело ни честного человека, ни аккуратно-го рассказчика.

Насколько мы лично верим в так называемое колдовство и «чары», покажут следующие страницы. Есть целые группы явлений в природе, которые наука не в состоянии разумно

объяснить, указывая на них, как только на нечто проистекающее из действий одних химических и физических мировых сил. В материю и силу наши ученые верят; а в жизненный принцип, отделенный от материи – не желают верить, хотя, когда мы учтиво просим их объяснить нам, что такое в сущности эта *материя* и что такое заменившая ее теперь *сила*, то наши величайшие просветители становятся в тупик и говорят нам: «Не знаем».

Так вот, пока им еще известно об этих трех предметах так же мало, как англо-индийцам о тоддах, мы попросим читателя сначала вернуться с нами за более нежели полстолетия назад. Мы предлагаем ему послушать нашу сказку-быль о том, как мы впервые напали на существование Нильгири («Голубых гор»), ныне Мадрасского Эльдорадо. Как там мы нашли никому до того неизвестных великанов и карликов, в коих может быть усмотрено русской публикой полное сходство между се отечественными ведьмами и знахарями, а может быть, кое-что еще и похуже. Вдобавок ко всему этому, из этой сказки-были читатель узнает, что есть в Индийском поднебесье такая чуткая страна, где, на высоте 8000 футов в январе месяце люди ходят в одних кисейных покрывах, а в июле часто кутаются в теплые шубы, хотя эта страна находится всего в 11 градусах от экватора. Так приходилось поступать нижеподписавшейся, тогда как под ногами у нас 8000 ниже постоянно стояло (по Фаренгейту) 118 градусов жары в *прохладной* тени самых густых деревьев.

Глава 1

в которой два Нимрода отправляются на охоту за «богами», а натыкаются вместо них на боа-констриктора и на бробдиньягов и лилипутов

*У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит...*

Ровно шестьдесят четыре года тому назад, то есть в конце 1818 года в сентябре месяце, недалеко от Малабарского берега южной Индии и всего в 350 милях от Дравидского пекла, именуемого Мадрасом, было случайно сделано самого неожиданного характера открытие. До такой степени оно показалось тогда всем странным, даже невероятным, что в первое время ему никто не поверил. Мгновенно возникли легендоподобные, запутанные и совершенно фантастиче-

ские слухи, сперва в народе, а затем распространились и выше. Но когда они проникли в местные газеты и превратились в официальную действительность, то лихорадка ожидания перешла у всех в полное горячее состояние...

В медленно шевелящихся и, вследствие жара, почти атрофированных от бездействия мозгах англо-мадрасцев произошла молекулярная пертурбация, говоря языком известных физиологов. Все, за исключением лимфатических *мудильяров*, соединяющих в себе темпераменты лягушки и саламандры, закопошилось, зашевелилось и громко забредило о некоем чудно прохладном эдеме в самых недрах «Голубых Холмов»,² открытом будто бы двумя усталыми охотниками. По сведениям последних, там земной рай: благоуханные зефиры и прохлада круглый год; страна над вечными туманами Куимбатура,³ в которой шумят величественные водопады, стоит от января до декабря вечная европейская весна; цветут дикие саженные розы и гелиотропы; благоухают в кувшин величиною лилии,⁴ и где свободно разгуливают, судя по их

² Перевод, со слова «Нильгири», составленного из двух санскритских слов: *Нилам* - голубой и *Гири* – "горы" или «холм», так названные от яркого цвета этих гор, как они представляются глазам жителей из долин Майсура и Малабара.

³ Как известно, вследствие сильного зноя и болотных испарении местности, туман расстилается на высоте от 3 до 4000 футов над морским уровнем и вдаль всей цепи Куимбатурских гор, – постоянный голубой туман, чрезвычайно замечательного яркого цвета, который и превращается во время муссонов в дождевые тучи.

⁴ Это не преувеличенное описание самой, быть может, замечательной в мире флоры. Кусты роз всех цветов вырастают в высоту домов и покрывают крыши,

громадной величине, допотопные буйволы и обитают Гулливеровские бробдиньяги и лилипуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индийской Швейцарии представляет замкнутый от остального мира уголок земного рая и пр.

От этих рассказов у «высокопочтимых» отцов «Ост-индской компании» проснулась сонная и не менее мозгов атрофированная печень, и потекли слюнки. В первое время никто не знал, где именно были открыты такие чудеса, ни куда, ни как ехать за столь заманчивою в сентябре прохладой. Наконец «отцы» решили, что следует подкрепить открытие официальным путем и прежде всего узнать, что такое именно открыто. Охотников пригласили в Главную Контору Президентства и тогда узнали, что близ Куимбатура произошло следующее.

Но, во-первых, что такое Куимбатур?⁵

Куимбатур – главный город уезда этого имени, а самый уезд находится милях в трехстах от Мадраса, столицы южной Индии, и знаменит во многих отношениях. Во-первых, он был обетованною землей для охотников на слона и тигра, как и на более мелкую дичь, так как этот уезд, вдобавок

как и род гелиотропа, который достигает да 20 футов; но самые замечательные из цветов – это белые с одуряющим запахом лилии. Действительно, величиной с графин, они растут в трещинах голых скал отдельными кустами в аршина 2-3 величиной, распуская за раз с дюжину цветков. Эти лилии не растут на высотах менее 7000 футов, и ниже их нельзя найти. И чем выше, тем они прекраснее, и на Тоддабетском пике (около 9000 футов) они цветут десять месяцев в году.

⁵ Ныне – Коямпуттур. – Прим. ред.

к другим прелестям, славится своими болотами и дремучими лесами. Почувяв смерть, слоны почему-то всегда уходят из чащи лесной в болото. Там они залезают в глубокую тину, где и приготавливаются спокойно к *нирване*. Вследствие такой замечательной привычки, болото изобилует их клыками, и слоновая кость добывается (или скорее добывалась во времена оны) довольно легко.

Говорю «добывалась» в прошлом. Увы, для бедной Индии все с той поры изменилось. Теперь в ней ничего не добывается и никто ничего не может добыть, кроме разве вице-короля, которому вице-королевство доставляет царские почести и сумасшедшие деньги, впрочем, иногда с примесью гнилых яиц от сердитых англо-индийцев. Между «тогда» и «теперь» легла бездна имперского «престижа», поперек которой стоит привидение лорда Беконсфильда... *Тогда* «отцы Компании» добывали, покупали, открывали и сохраняли. *Теперь* вице-королевский совет получает, взимает, отнимает и ничего не сохраняет. *Тогда* «отцы» были круговращательной силой в застывающей крови Индии, которую они хоть и сосали, но иногда и обновляли, подливая новой крови в ее устарелые жилы. *Теперь же* вице-король с советом подливают разве только желчи. Вице-король – есть центральная точка огромной империи, с которою он не имеет ни симпатии, ни чего-либо общего. «Отцы» если и были в одном смысле бурьяном родины священной коровы, то были и сочным репейником, кормившим миллионы кротких ослов. А вице-ко-

роль это нынешний искусственно привитый цвет к растению, называемому индийской Империей, который, истощая силы, медленно убивает самое растение. По поэтическому выражению сэра Ричарда Темпля, «вице-король крепкая ось, вокруг которой должно вертеться Колесо Империи...» Положим, что это и так: только это колесо стало с некоторых пор крутиться с такой бешеною быстротой, что грозит ежеминутно разбиться вдребезги.

Но как тогда, так и теперь, Куимбатур славится не только своими лесами и болотами, но считался и считается рассадником проказы, лихорадок и *эlefантиаза*.⁶ Куимбатур, то есть уезд, носящий это название, скорее ущелье, нежели что иное. Это миль двести в длину и двадцать в ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаром и Карнатиком, Куимбатурский уезд врежется острым углом в Анамалльские или Слоновые горы⁷ к югу; постепенно поднимается к высотам Майсура – к северу; затем, как бы приплюснутый сбоку Западными «Гхатами»⁸ с их дремучими почти девственными лесами, кру-

⁶ Эта ужасная и почти неизлечимая болезнь, которая может, впрочем длиться целые годы, оставляя человека в других отношениях совершенно здоровым, весьма здесь обыкновенна. Начинает сперва пухнуть с подошвы до подколенника одна нога, затем другая, пока обе не превратятся в настоящие бесформенные ноги слона как видом, так и величиной.

⁷ От слова *ане* «слон» и потому, вероятно, что с незапамятных времен горы эти изобилуют слонами.

⁸ *Ghâts* - «горы».

то обрывается и исчезает в более мелких *джунглях* лесных племен. То тропическая, вечно зеленая от испарений болот обитель слона и ныне уже вымирающего боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на прямоугольный треугольник, словно прицеплена к другому, еще более громадному, треугольнику – к равнинам Декканской нагорной плоскости, опирающей свою северную оконечность в Виндийские горы (Vindya) Бомбейского президентства, а западную и восточную оконечности – в «холмы» Сахиядри Мадрасского президентства. Эти две разжалованные англичанами в холмы горные цепи составляют точку соединения между восточными и западными *гхатами* Индии. По мере того, как восточные приближаются к западным гхатам, они начинают постепенно утрачивать свой вулканический характер. Соединясь наконец с волнообразными живописными возвышенностями западного Майсура и словно слившись с ними, они окончательно перестают считаться *гхатами* и называются просто холмами.⁹

Обе оконечности этого как бы треугольника возвышаются в Мадрасском президентстве по обеим сторонам, направо и налево города Куимбатура в виде двух восклицательных знаков. Словно два гиганта, часовые, поставленные природой сторожить вход в ущелье, стоят эти два остроконечные пика, увенчанные зубчатыми скалами на подножии из зеленых лесов и с бедрами, вечно укутанными в облаках да

⁹ *Гхата* - «гора», а *гири* – «холм».

сизых туманах. То остроглавые горы, прозванные в местной англо-индийской географии «Тенерифами» Индии, Нильгири и Муккартебет. Первый, то есть Тоддабет, возвышается на 8760 футов, другой на 8380 футов над морским уровнем.

В продолжение столетий обе эти вершины, особенно от Рангасуами, возвышенности самого грозного издали вида, слыли в народе за горы, недостижимые для простых смертных. Давно уже такая их слава перешла в местные легенды, и вся эта страна считалась в народном суеверии за область священную и потому заколдованную, переступить рубеж которой, даже нечаянно, было бы святотатством, достойным смерти. То, де, обитель богов и высших *дев* (див). Там *сварга* (рай) и там и *нарака* (ад), полный «азуров» и «пизачей».¹⁰ Таким образом, под охраной религиозного поверья Нильгири и Тоддабет оставались в продолжение долгих веков совершенно неизвестными остальной Индии. Тем менее в те далекие времена «достопочтенной» (Right Honourable) Ост-Индской Компании, то есть в двадцатых годах нашего столетия, могло прийти в голову кому-либо из европейцев исследовать замкнутую со всех сторон внутреннюю местность в горах; не потому, чтобы кто из них верил в поющих духов, а потому, что веря в недостижимость их высот, никто и не подозревал, чтобы там находившись столь прелестные уголки,

¹⁰ «Азуры»— «духи», певцы, улаждающие уши богов песнями, как *гандхарвы* тешат их музыкой, *писачи* — духи-вампиры. Все они *девы* (дивы) и разделяются на много классов.

тем более кем-либо обитаемые, кроме диких зверей да змей. Редко бывало, когда англичанин-спортсмен или охотник из евразиев, дойдя до подошвы одного из заколдованных холмов, настаивал, чтобы туземный *шикари* (охотник) проводил его на несколько сот футов выше. Проводники-туземцы, как бы сговорясь с *шикари*, очень естественно, под тем или другим предлогом от этого отказывались. Чаще всего они уверяли «сааба», что далее и идти нельзя; нет, де, там ни лесов, ни дичи, а есть только одни бездны, скалы до облаков да трущобы, обитаемые злейшими лешими – почетная стража *див*. Поэтому ни один *шикари* не соглашался ни за какие деньги идти выше известной черты на этих горах...

Что такое «*шикари*»? Современный представитель этого класса остался тем же, чем он был и в баснословные времена царя Рамы. В Индии всякая профессия становится наследственной, а затем переходит в *касту*. Чем был отец, тем будет и сын. Целые поколения кристаллизуются и как бы застывают в одной и той же форме. *Шикари* обыкновенно одет в костюм, составленный из охотничьих ножей, пороховниц из буйвольего рога, да древнего кремневого ружья с девятью осечками на десять выстрелов, на совершенно голом теле. Часто он имеет вид дряхлого старика, и при встрече с ним одаренному чувствительным сердцем «иностранцу» (то есть не туземцу, как и не англичанину) всегда хочется предложить ему гофманских капель: до того у него впалый и словно подведенный болью живот. Но не потому наш *шикари* еле

ползает и ходит сторбившись, согнутый в три погибели, а по долгой, развившейся в силу его профессии, привычке. Пусть только подзовет его к себе сааб-спортсмен, пусть покажет и посулит ему несколько рупий, и *шикари* мигом выпрямится и начнет торг на какого угодно зверя. Условившись, он опять согнется в дугу, поползет осторожно, обвив тело и подошвы пахучими травами, чтобы не выдать себя зверю и чтобы не почуял тот «духа человеческого». И просидит он несколько ночей напролет, спрятавшись, как хищный ястреб, в густой листве древесной, среди «вампиров», менее его кровожадных. Не выдавая своего присутствия и полувздохом, дряхлый Нимрод готовится хладнокровно следить за агонией привязанного им для приманки тигра к дереву злополучного козленка или младенца-буйвола. А затем, оскалив зубы до ушей при виде тигра, он станет прислушиваться, не шевеля ни одним мускулом, к жалобному бляению и обонять с наслаждением запах свежей крови, смешанный с хорошо ему знакомым острым специфическим запахом полосатого палача лесов. Раздвинув осторожно я неслышно ветви, он будет зорко и долго наблюдать за насыщающимся зверем, и когда тот, тяжело ступая, окровавленными лапами по засохшей земле, облизываясь и зевая, обернется еще раз по привычке всех «полосатых» поглядеть на останки своей жертвы, тогда *шикари* выстрелит из своего кремневого ружья и наверно положит зверя на месте с одного разу. «Ружье *шикари* никогда не осекается, стреляя по тигру», древняя по-

словица, перешедшая между охотниками в аксиому. А если *сааб* желает сам позабавиться стрельбой в лесного «бара-сааба» (большого господина¹¹), то *шикари*, заметив с дерева, куда тигр отправился ночевать, при первых лучах солнечных тотчас же соскочит со своей ветки, бросится со всех ног в деревню, наймет толпу, устроит облаву и будет он целый день под палящими, убийственными лучами солнца бегать от одной группы к другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказания, пока «сааб» № 1 не ранит с безопасной высоты своего слона «сааба» № 2, тогда *шикари* все-таки придется самому dokonать звери из своего древнего ружья. Только затем уже, если не случится чего особенного, отправится *шикари* под первый попавшийся куст, где он в одно и то же время и за один раз, роскошно позавтракает, пополдничаает, пообедает и поужинает горстью протухлого риса и каплей болотной воды.

Так вот с тремя такими удалыми шикарями, и как сказано, в сентябре 1818 года, к концу летних вакаций, два англичанина, чиновники-землемеры на службе Компании, отправились на охоту в Куимбатур, заблудились и дошли до самых в те времена охотничьих пределов, а именно до Гузлехутского

¹¹ Эта кличка дается туземцами, безразлично, как всякому чиновнику или охотнику из англичан, так тигру. Для невинного индуса действительно не представляется между двумя такого уж большого различия; разве только что на первом, к его незаслуженному счастью, ружье злосчастного туземца, при каждой национальной попытке, всегда давало осечку.

ущелья, близ ныне знаменитого водопада Колакамбе.¹² Над ними, далеко и высоко под облаками, прорываясь отдельными пятнами сквозь сизый тонкий туман, виднелись скалистые иглы Нильгири и Муккартебета... То terra incognita, заколдованный мир —

*... Горы таинственные,
Обитель Див неведомых,
Холмов голубых...*

как гласит старая песня на нежном наречии малаялима. Поистине «голубые»! Смотрите на них с какой угодно точки и на каком хотите расстоянии, снизу, сверху, из долины или с других высот, и пока они не пропадут у вас совсем из вида, то даже в туманную погоду, холмы, сверкая как драгоценный сапфир внутренним огнем, словно тихо дышат, переливаясь, как волнами, своими золотисто-голубыми, в отдалении – синими лесами, невольно поражая своим необычайным колоритом...

Землемеры, пожелав попробовать счастья, приказали шикарям вести их далее. Но удалые шикари, «как того и следовало ожидать», наотрез отказались. Далее из отчета двух англичан мы узнаем, что эти старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигров и слонов, с первого слова о том, чтобы идти далее, за водопад, бросились бежать. Пойманные

¹² Этот водопад имеет 680 футов высоты. Теперь под ним проходит дорога в Уттакаманд.

и приведенные назад, они все трое повалились ниц перед ревущим потоком и, по наивному сознанию одного из межешиков, Киндерзлея, «соединенные усилия наших двух толстых плетей не могли поднять их на ноги»... «и прежде нежели они не окончили своих громких заклинаний *дивам* этих гор, мольбы богам не наказывать и не губить их, невинных шикарей, за такое преступление. Они трепетали как осиновый лист, катались по мокрой земле берега, словно в припадке эпилепсии»... «Никто и никогда не переступал за пределы водопада Колакамбе, – говорили они, – и кто вступит в эти трущобы, тому никогда не вернуться живым!»

Так в тот раз, или, скорее, в тот день, англичанам не удалось даже и переступить за черту водопада. Волей-неволей пришлось вернуться в деревню, из которой, переночевав накануне, они вышли утром. Без проводников и шикарей англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренне поклялись заставить шикарей идти в будущий раз далее. Вернувшись в селение на новый ночлег, они созвали почти всю деревню и стали держать со старшинами совет. То, что они слышали, разожгло их любопытство еще более.

В народе ходили о заколдованных горах самые невероятные слухи; и многие из мелких «земиндаров» (землевладельцев) ссылались на местных плантаторов и чиновников евразиев, как на людей, которые *знают правду* о священной местности и хорошо понимают невозможность добраться туда. «Рассказывали целую эпопею о некоем плантаторе индиго,

имевшем все добродетели, кроме веры в индусских богов. В один прекрасный день, – говорили важные брамины, – мистер Д. в погоне за зверем, не обращая внимания на наши постоянные предостережения, забрел за водопад и пропал с того дня без вести. Только через неделю затем узнали власти о его вероятной участи: да и то благодаря старой „священной“ обезьяне из соседней пагоды. Почтенная макашка имела, как видно, привычку делать в свободные от религиозных обязанностей часы визиты в соседние плантации, где ее угощали и кормили набожные *кули*. В одно утро она явилась с сапогом на голове. Сапог оказался с отсутствующей ноги плантатора, а сам хозяин оного так никогда и не нашелся: без малейшего сомнения дерзновенный был разорван на куски «*пизачами*», – решили в народе. Правда, Компания заподозрила было браминов пагоды, которые давно тягались с пропавшим за принадлежавшую ему землю... Но ведь *саабы* всегда и во всем подозревают этих святых людей, особенно в Южной Индии.

Подозрению не было дано ходу. Так бедный плантатор и сгинул с тех пор... Он перешел всецело и навеки в далекий и в те времена еще менее «Голубых гор» исследованный властями и учеными мир, мир бестелесной мысли; а на земле он превратился в сон, вечная память о котором, под видом старого сапога, стоит и доселе за стеклом в шкафу уездной полиции.

Говорили... что еще говорили? А вот что: по ею сторону

«дождевых туч» горы необитаемы; это, конечно, в отношении одних только простых, всеми зримых смертных; а по ту сторону «сердитой воды» водопада, то есть на высотах священных вершин Тоддабета, Муккартебета и Рангасуами, живет неземное племя – племя кудесников и полубогов.

Там – вечная весна, нет ни дождей, ни засухи, ни жары, ни холода. Чародеи этого племени не только не женятся, но и не умирают, даже не рождаются: их младенцы сваливаются совершенно готовыми из поднебесья и «растут вверх», по характерному выражению Топси в «Хижине дяди Тома». Ни одному смертному не удавалось еще побывать на этих вершинах; как никогда и не удастся, разве только после смерти. «Тогда это явится в пределах возможности, потому что, как хорошо известно браминам, – а кому же это лучше знать? – небожители «Голубых гор», из уважения к Богу Бrame, уступили ему часть своей горы под *сваргу* (рай), антресоли которого, надо полагать, находились в то время в починке.

Однажды некий шикари из их села, напившись пьяным в коллекторской кухне, отправился ночью высматривать тигра и нечаянно забрел за водопад. На другое утро его тоже нашли под горой мертвым, и пр.

Так гласило устное, так еще повторяет и печатное, предание в «Сборнике местных легенд, преданий» в переводе с тамильского на английский язык миссионерами; издание 1807 года, которое и рекомендуется читателю.

Подстрекаемые такими рассказами, а главное – видимы-

ми препятствиями и затруднениями экспурсии, наши два охотника решились доказать еще раз туземцам, что для «высшей», властвующей над ними расы слово «невозможность» не существует. Британскому *престижу* необходимо было заявлять себя во все времена истории; иначе о нем могли бы позабыть.

Известно ли у нас, в благодушной России, что такое именно заключается в этом магическом слове «британский *престиж*»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все от ожиревшего европейца-лавочника, евразия-плантатора, потешающегося крепким арапником в руке над спинами кули, от чванного чиновника под серым *топи* на голове, имеющем аршин в диаметре и похожем на глубокий, опрокинутый соусник, до рыжего, прилизанного, долгополого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, – все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный *престиж*. Но знают ли как именно выражается в Индии *политический престиж*? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса и его удалых товарищей, престиж британский состоял в том, чтобы улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая от него дары и натурою, и златом, все-таки при случае надувать его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт

остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантасмагории, именуемой Имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно Маммоне миллионы заморенных голодом бедняков. *Райот* (землепашец) – есть козел отпущения в Индии за британские грехи. *Райот* - жалкое существо, которое от рождения до смерти со своим всегда огромным семейством живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за все, от вице-королевских охот, даваемых в честь скучающих теистов из королевского дома, до подарков императрицы царькам Индии, бесталанный райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова: «политический престиж». Этот «престиж» наследовал Ваалу-Пеору, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли впрочем, в этом даже самих ассирийян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа, райот осуществляет собою великое открытие Дарвина «борьбы за существование». Умирая голодною смертью в стране несметных богатств и расточительности для поддержания «престижа» сильнейшего, райот сделался живым символом и вместе протестом против теории survival of the fittest.

Да не вознегодуют, читая это как и все подписанной «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о

них и об этих самых вопросах «Али-Баба»,¹³ остроумнейший из их писателей, каждый взмах пера которого был злейшей и вместе глубоко правдивою сатирой на современное положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских *сайсов* и *чупрасси*. Сайсы – конюхи и скороходы чиновников, а чупрасси – официальные правительственные рассыльные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех, больших и малых, гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий, учреждаемых обыкновенно *при конце* каждой повальной голодовки, и докажется, что политический британский *престиж* убивает ежегодно более туземцев, нежели взятые вместе холера, тигры, змеи и даже легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки...¹⁴ Правда, убыль, причиняемая им в ря-

¹³ Aberight Маскау, профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии.

¹⁴ Этот орган человеческого тела, по-английски *сплин* (spleen) действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка – лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стоит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским

дах чернорабочего люда, пополняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов» – один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расой цивилизованною в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свете англичанами при помощи голландцев, французов и португальцев. Они – венец и бессмертный памятник деятельности благодушных «отцов» Ост-Индийской Компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные как и незаконные (так как разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских отношений между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, к великой радости индусов, англичане стали смотреть на супруг и дочерей с отвращением, которое превышает разве только гадливостью туземцев при виде англичанки более или менее *деколь-*

пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода Британцев деликатности их *сплина*. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно», – рассуждают они, – "чиновнику прикоснуться *крадже* или даже к собственному китмагару (буфетчику) без того, чтоб у того, как на зло, не лопнула селезенка!" Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджой припадок. Подхватил его под руки «политический агент», немножко потряс, чтобы привести в чувство, а только посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь вот и возись с этим штатиком... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу – опеку над осиротевшим штатом! (*Резюме* из англо-индийской печати). Подлинно: полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство!

те. Две трети Индии наивно верят в распущенный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом проказе.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой, официальная Англо-Индия вырыла между собой и туземцами такую бездну, что не завалить ее и тысячелетиями. Невзирая на грозный призрак британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород – либо черную, либо – белую. «Престиж» поэтому есть не более, как рассчитанная мера сохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы голодный мор среди туземцев. В глазах этой «христианской» нации, это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он – наскоро собранная природой комбинация слабо склеенных атомов, прямая эволюция, беспереходных стадий асцидии в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом *раджси*, до прозрачного от худобы и голода *куш* и *рашита*. Первый уже так хорошо дрессирован «политическими резидентами», что готов, за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте, продать во имя политического британского *престижа* всю Индию, с родными отцом и матерью в придачу. Второй, то есть *райот*, способен реализовать эту великолепную Беконсфильдовскую идею в

своих иссохших от лишений мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодной смертью...

Принося за эту диверсию челобитную, возвращаюсь к положению куимбатурцев в 1818 году. Попав между двух огней: *престижа* земных владык и суеверного страха пред владыками преисподней и их мщением, злосчастные Дравиды почувствовали себя прищемленными между рогами ужасной дилеммы. Не прошло и недели, английские *саабы*, оставившие было жителей деревушки в сладкой надежде, что миновала их еще одна гроза, вернулись в Метопалам у подошвы Нильгири и поразили их как громом объявлением, что через три дня по прибытии нескольких гарнизонных солдат и межевщиков отряд намерен предпринять путешествие на священные вершины Голубых гор.

Услышав страшную для них новость, несколько земиндаров обрекли себя на *дхарну*, то есть, голодную смерть у дверей *саабов*, пока те не взмилуются и не обещают отказаться от намерения. Деревенские *мунсифы*, разодрав одежду, что не стоило больших усилий, обрили головы своим женам и заставили их, в знак общественного бедствия и общего траура, царапать себе (конечно, жен) в кровь лица. Брамины читали заклинания и *мантры* вслух, посылая про себя англичан с их богохульными затеями в *нарак* ко всем чертям. *Метопалам* огласился воплями и криками отчаяния на целые три дня. Ничто не помогло. Как сказано, так и сделано. Снарядив

партию из подобранных между компанейцами смельчаков, новые Колумбы решились было пуститься в путь и без проводников. Деревня опустела, будто после военного разгрома: туземцы разбежались в ужасе, и межевщикам, коноводам партии, не оставалось делать ничего иного, как пойти самим разыскивать путь к водопаду. Они заблудились и вернулись. Эксплуататоры однако не смутились. Поймав где-то спрятавшихся двух поджарых малабарцев, объявили их пленными: «Либо ведите и вот вам золото; либо отказывайтесь и все-таки пойдете, так как вас потащат силой. А затем, вместо золота, тюрьма». А в те блаженные дни кротких отцов компанейства слово «тюрьма» было синонимом, Мадрасском, да и в других президентствах, *пытки*. Оно и теперь иногда случается, как это было еще недавно доказано; и в те времена жалобы самого младшего из писарей высшей расы было достаточно, чтобы подвергнуть туземца пытке. Угроза подействовала. Бедные малабарцы понурили головы и, ни живые, ни мертвые, повели европейцев к Колакамбе.

Странно, если случилось затем то, что рассказывают: а что было так, в этом нам порукой официальное донесение двух межевщиков. Не доходя до водопада, на привале, одного из малабарцев, невзирая на непривлекательную костлявость, унес тигр прежде чем кто-либо из охотников заметил зверя. Крики несчастного привлекли их внимание, когда уже было поздно. «Выстрелы или не попали, или же убили жертву, которая вместе с похитителем исчезла из глаз, словно

оба провалились сквозь землю», – сказано в рапорте. А другой туземец, переправившись через быстрый поток на другой «запрещенный» берег за милю от водопада, где партия в первый день восхождения заночевала, безо всякой видимой причины *внезапно умер*, вероятнее всего от страха. Любопытно читать мнение очевидца касательно этого странного совпадения. Описывая этот случай (в «Madras Courier», 3 ноября 1818 года), один из чиновников, по имени Киндерзлей (Kindersley) пишет так:

«Убедясь в непритворной смерти второго *арана* (nigger), наши солдаты, особенно суеверные ирландцы, очень смутились. Но мы с Уишем (Whish) (имя другого межевщика) тотчас же решились: отступить – значило обесчестить себя без пользы, став вечным посмешищем товарищам и закрыть навеки вход в Нильгирийские горы и к их чудесам (коли такие там имеются) всем другим англичанам. Мы положили отправиться далее без проводников, тем более, что ни оба умершие малабарца, ни другие живые, не более нас самих знали дорогу по ту сторону водопада».

Далее следует подробное описание их трудного восхождения на горы и карабканья по совершенно перпендикулярным скалам, пока они не очутились за облаками, то есть, за чертой «вечного тумана», и не увидели его волнующейся синевы под ногами. Так как все, что они там нашли, описано далее и находится в извлечениях из писем Д. Сэлливана, уездного коллектора куимбатурского, посланного после правитель-

ством на формальное следствие, то, во избежании повторений, я и ограничусь лишь поверхностным, в немногих словах, описанием главнейших походов двух межевщиков.

Отправляясь выше, далеко за рубеж туманов, наши авантюристы наткнулись на огромного боа-констриктора. Один из них нечаянно упал в полутемноте на что-то «слизистое и мягкое». Это «нечто» зашевелилось, зашуршало, встало и оказалось тем, чем оно и было, то есть весьма неприятным собеседником. Удав, в виде приветствия, обвился вокруг одного из «суеверных» ирландцев и успел, до получения нескольких пуль в широко разинутую пасть, сжать «Патрика» в своих холодных объятиях с такою силой, что несчастный через несколько минут после этого умер. Убив не без больших затруднений чудовище и смерив содранную кожу, путешественники нашли, к ужасу и удивлению, что боа имел 26 футов в длину! Затем пришлось копать для бедного ирландца могилу, что они совершили с большим трудом, еле успев спасти тело от налетевших со всех сторон белых коршунов. Могилу эту показывают до сего дня. Она находится под скалой, немного выше Куннура. Первые поселенцы англичане сложились и украсили место приличным памятником, в воспоминание «первого пионера, погибшего в экспедиции в горы».

Над двумя «арапами» не поставили ничего, хотя по праву они-то и были «первыми» погибшими из экспедиции жертвами, как и первыми, хотя и невольными, пионерами. Но ес-

ли в глазах англичанина даже всегда ненавистный ирландец все же *нечто вроде* человека, то туземец Индии – даже и не скотина: иначе за него наверное бы заступилось Общество Покровительства Животным, чего оно, как всем известно, не делает.

Потеряв двух черных пешек и одного белого человека, англичане полезли далее и встретились со стадом слонов, дававших друг другу регулярные сражения. Слоны, к счастью, не заметили их, а потому и не тронули. Зато они заставили разбежаться во все стороны испуганный отряд. Когда отряд хотел снова собраться, то нашел себя рассеянным на группы по два и по три человека. Проплутав всю ночь в лесу, человек семь вернулись в разные часы следующего дня в деревню, из которой экспедиция вышла за сутки до того с такой заносчивостью. Три человека европейцев исчезли бесследно.

Оставленные одни, Киндерзлей и Уиш бродили по склонам гор в продолжение нескольких суток: то подымаясь на вершины, то снова спускаясь в ущелья. Все время им приходилось питаться ягодами и грибами, которые они находили здесь во множестве. Каждый вечер рев тигров и слонов заставлял их искать убежища в высоких деревьях и проводить ночи без сна, чередуясь часами и ожидая ежеминутно смерти. *Дивы* и другие таинственные обитатели и хранители «заколдованных» трущоб заявили себя таким образом с первого же дня. Неудачные искатели несколько раз порывались вернуться назад, но, невзирая на все усилия, хотя шли

прямо вниз, встречали ежеминутно такие препятствия на пути, которые заставляли их поневоле сворачивать в сторону, а ища обойти скалу или холм, они находили себя снова в безвыходной тущобе. Их инструменты и даже оружие, кроме висевших на них ружей и пистолетов, остались в руках остальной партии. Им было невозможно ни ориентироваться, ни найти дороги вниз, и оставалось одно – подниматься все выше и выше. Если сообразить, что со стороны Куимба-тура Нильгири возвышаются лестницей громадных перпендикулярных скал от 5000 до 7000 футов до самой долины Уттакманда, что многие из таких скал образуют страшные бездны и что межевщики именно и выбрали эту дорогу, то можно легко себе представить с какими трудностями пришлось им бороться. По мере их восхождения, природа как бы отрезала им путь назад. Часто им приходилось взлезать на верхушки деревьев, чтобы затем перепрыгивать через обрывы на ближнюю скалу.

Наконец, на девятый день странствия, потеряв всякую надежду найти в этих горах что-либо кроме смерти, они решились попытаться еще раз вернуться назад, стекаясь с горы прямо и избегая, сколько возможно, всяких поворотов в сторону. Вследствие такого решения они положили сперва взобраться на самую высокую перед ними местность, чтобы разглядеть с нее окрестности и лучше сообразить предстоящий им путь. Они находились в то время на поляне, в небольшом расстоянии от высокого и, по-видимому, доволь-

но отлогого холма, как им показалось, с небольшими скалами наверху. Чтобы добраться до последних, казалось стоило только взбежать на холм, что, судя по его наружному виду, не представляло больших затруднений. К их удивлению, и с потерю последних сил, им пришлось взбираться около двух часов. Густо покрытый травой, которую здесь называют «атласною» (satin grass), отлогий холм оказался до того скользким, что с первых же шагов пришлось им подниматься почти ползком и цепляясь за траву и кусты, чтобы каждую минуту не скатываться назад. Взбираться вверх по такой траве все равно, что стараться взойти на стеклянную гору. Достигнув, наконец, после невероятных усилий вершины, оба упали в совершенном изнеможении и приготовились, как пишет Киндерзлей, «к худшему».

То был ныне известные всему Уттакаманду, знаменитый «холм гробниц», или, как их здесь называют, cairns. Такое друидское название всего более подходит к характеру этих памятников неизвестной, но глубокой древности, которые межешки сперва приняли за скалы. Этот, как и многие другие холмы Нильгирийской цепи, весь усеян подобными гробницами. Рассуждать о них, впрочем, много не приходится. Как и все остальное в этих таинственных горах, их происхождение и последующая история покрыты непроницаемым мраком. Пока, впрочем, наши герои отдыхают, собираясь с новыми силами, можно поговорить и о могилах, на это не потребуется много времени.

Когда лет двадцать позднее нашего рассказа стали производить раскопки, то в каждой гробнице было найдено большое количество железной, бронзовой и глиняной утвари, необычайной формы фигуры и металлические грубой формы украшения. Ни фигуры, – по-видимому идола, – ни украшения, ни утварь ничем не напоминают подобных им предметов, употребляемых в других частях Индии и другими народами. Особенно глиняные изделия замечательны своим видом: словно первообразы гадов (описанные Беросом), что ползали в хаосе при сотворении мира. Касательно самих гробниц, кем и когда они были сооружены, какой из людских пород они послужили последним убежищем на земле, также ничего нельзя ни сказать, ни даже предположить, ибо всякая гипотеза разбивается тем либо другим затруднением. Что означают эти странные геометрические фигуры, каменные, костяные и глиняные, эти додекаэдры, треугольники, пяти, шести и восьмиугольники самой правильной формы, эти, наконец, глиняные фигурки с бараньими и ослиными головами на птичьих телах? Гробницы, то есть окружающая могилу стена, всегда овальной формы, от двух до трех аршин вышины и сложена из крупных неотесанных и без всякого цемента камней. Стена всегда обрамляет глубокую, иногда в пять и шесть ярдов глубины, могилу, покрытую довольно правильным сводом и выложенную иногда как склеп гладкими камнями, хотя склепы трудно различить – до такой степени они завалились от древности землей и каменья-

ми. Форма гробниц, хотя и схожая своим внешним видом с такими же древними могилами в других частях света, мало сама по себе проливает свет на их происхождение. Такие памятники находятся в Бретани и других частях Франции, в Уэллсе и в Англии, как и в горах Кавказа. Конечно, у английских ученых и тут дело не обошлось без вездесущих скифов и парфян. Только схороненные в них археологические останки уже совсем не скифские; да и скелетов в них еще не находилось до сей поры, как и чего-либо похожего на оружие. Надписей также нет никаких, хотя и были вырыты каменные доски, по углам которых выцарапано нечто похожее на иероглифы, вроде тех, что находятся на обелисках Паланки и других мексиканских развалин.

Между всеми пятью племенами Нильгирийских гор, людьми пяти совсем различных между собою пород,¹⁵ не нашлось никого, кто мог бы доставить хотя бы малейшее сведение касательно этих, никому не известных могил. Тодды, самое древнее из пяти племен, также ничего не знают о них. «Не наши и не можем сказать, чьи они; наши отцы и первые поколения нашли их здесь, и никто не строил их за наше время», – вот постоянный ответ тоддов археологам. Если вспомнить при этом древность, которую себе приписывают тодды, то выйдет, что в этих могилах хоронили праотцев Адама и Евы. Обряды погребения у всех пяти племен совершенно различные между собой. Тодды сжигают своих

¹⁵ См. описание этих пяти племен далее, в 3 главе.

покойников вместе с любимыми буйволами; муллу-курумбы хоронят их под водой; эруллары привязывают их к верхушкам деревьев, и т. д.

Если бы, придя в себя, заблудившиеся охотники встали и принялись бы осматривать окрестность, которая расстилась перед ними во все стороны на много десятков миль, то они, вероятно, предупредили бы меня описанием одной из великолепнейших панорам Индии, так как, не ведая еще тогда сами того, они находились на самой высокой, за исключением Тоддабетского *пика*,¹⁶ вершине этих гор. Трудно представить себе, а еще менее браться описывать чувства, волновавшие в то время двух альбионцев лицом к лицу с такою грандиозною картиной. Вероятнее всего, что ничего похожего на восторг художника или члена «Альпийского клуба» не нашло себе места в их усталой груди. Они были голодны и полумертвы от истощения, а такое физическое состояние всегда будет брать верх в подобные минуты над духовным элементом бедного человечества. Если бы, – как то делают теперь, шестьдесят лет позднее, их потомки, – если бы они приехали к этому холму верхом или в рессорной коляске, окруженные десятками корзин с яствами для веселого пикника, то они, вероятно, пришли бы в такой же энтузиазм, как и все мы перед открывающимся с этого холма как бы новым миром. Но то был критический час, как для всего Мадрасского президентства, как для них, так и для нас: погибни они

¹⁶ Англичане почему-то называют его Доддибет.

тогда в горах, не было бы теперь ежегодно спасаемых сотен жизней, как и не был бы написан нами этот правдивый рассказ.

Так как эта местность тесно связана с последующими событиями, то я прошу позволения очертить ее и вместе с тем выразить, за отсутствием лучшего описания, свои собственные чувства. Трудно тому, кто побывал хоть раз на «Холме гробниц», забыть его в продолжение самой долгой жизни. А пишущая эти строки не раз совершала Геркулесовский подвиг восхождения на холм по этому скользком пути... Впрочем, спешу оговориться и вместе покаяться: подвиг всегда был совершаем мною в покойном кресле-паланкине, на головах у дюжины алчных кули, всегда готовых в Индии рискнуть селезенкой из-за пригоршни меди. В Англо-Индии мы легко привыкаем ко всему, даже обращаться в невменяемых убийц ближнего, злосчастного меньшого брата, пряникообразного и высохшего кули. Но в отношении к «Холму Могил», по крайней мере, мы желаем и требуем смягчающих обстоятельств в виду нашей тяжелой вины перед совестью. Всегда ожидающий на нем путника мир волшебства и чудес природы способен парализовать всякую предосторожность не только касательно чужой, но даже и своей селезенки.

Постарайтесь вообразить себе эту картину. Взойдите на этот холм, то есть почти на 9000 футов выше уровня моря, которое, к слову, синее тонкою ниткой в сорока милях отсюда, на горизонте Малабарских берегов, и взгляните: под

ногами у вас миль на двести кругом расстилается пространство, как на ладони! Куда ни взглянешь: направо, налево ли, на юг или на север, перед глазами у вас волнуется безбрежное море зеленых, алых и синих холмов, остроконечных, зубчатых и закругленных вершин скал, самых фантастических и капризных форм: точно иссиня-зеленый, облитый сиянием тропического солнца, бурливый океан во время циклона, покрытый мачтами утопающих и утонувших кораблей. Таким мы видим иногда океан-призрак во время сна.

Взгляните теперь на север. Хребет Нильгирийской цепи, поднимаясь на 3500 футов выше нагорных плоскостей Майсура, перебрасывается гигантским мостом 15 миль в ширину и 49 в длину, как бы вырастая из пирамидообразного Иелламулая западных *ghat*, и стремится, сломя голову, отлогими уступами, с сияющими безднами по обеим сторонам, вплоть до утопающих в бархатистой сизой мгле округленных холмов Майсура. Там, наткнувшись на острые скалы Пайкара, чудовищный мост, кроме узенькой полоски, которая соединяет одну цепь с другою, вдруг обрывается перпендикулярно вниз, разбивается на мелкие скалы, превращается в булыжник и начинает шуметь, бурлить потоком, бешено прорываясь вперед, будто догоняя светлую реку, вырвавшуюся из мощных недр его горы.

А теперь бросьте взгляд на южную сторону «Холма Могил». Там, миль на сто в длину, во всю юго-западную область «Голубых гор» дремлют во всем величии своей недоступ-

ной, девственной красоты темные леса, непроходимые болота Куимбатура, замыкаемые красными, как кирпич, холмами Кхунда. Еще далее, левее на восток, извиваясь каменным змеем, уходит вдаль средний хребет *Гхат*, между двумя рядами высоких, вулканических, почти отвесных скал. Увенчанные, словно растрепанными волосами на макушке, букетами изогнутого во все стороны ветром ельника, эти вереницы отдельных зубчатых вершин представляют самое любопытное зрелище. Можно подумать, будто выбросившая их вулканическая сила имела в виду приготовить каменную модель грядущего человека: до того эти утесы имеют человекообразную форму. Сквозь волнующийся, прозрачный, как дымка, туман, они будто сами волнуются, двигаясь одна за другою, и мнится, будто скачут и бегут они, эти старые, покрытые вековым мохом, скалы. Перепутываясь, толкая, опережая и разбиваясь друг о друга, спешат они, как мальчишки-школьники, скорее вырваться из узкого ущелья на простор и свободу.... А кругом, высоко над ними, под самыми ногами стоящего на «Холме Могил» туриста, расстилается на первом плане картина совсем другого рода: тишь да гладь, да Божья благодать...

Поистине, весенняя идиллия Вергилия, обрамленная грозными картинами из «Ада» Данте. Изумрудные, испещренные цветами пригорки, рассыпанные, как бородавки, по светлому лику горной долины, с ее длиною шелковой муравой и ароматическими травами. Только вместо белоснежных

барашков да пастушков с пастушками стада громадных черных, как смоль, буйволов, а вдали неподвижная, как бронзовая статуя, атлетическая фигура длиннокудрого Тодды - *Тералли*, или «священнодействующего».

На этой выси царствует вечная весна. Даже декабрьская и январская морозные ночи не способны изгнать ее отсюда в полдень. Здесь все свежо и зелено, все цветет и благоухает круглый год, и «Голубые горы» являются здесь во всей прелести улыбающегося даже сквозь слезы младенца, прекраснее, быть может, во время сезона дождей нежели в другое время года.¹⁷ Да и все на этих высотах как будто только зарождается, появляется на свет божий впервые. Сердитый горный поток здесь еще в колыбели. Он бьет пока из-под родного камня тонкою струей, убегая далее журчащим ручейком, на прозрачном дне которого лежат атомы будущих грозных утесов. В своем двойном образе природа является здесь полным символом человеческой жизни: чистой и ясной, как само младенчество на этих высотах: суровой и истерзанной, как сама жизнь, в борьбе стихийной – ниже. Но все вверху, как и внизу, цветет во все времена года всеми радужными красками волшебной палитры Индии. В этих горах пришельцу из долин все кажется необычайным, чуждым, диким. На них поджарый, пряничного цвета кули превращается в бледнолицего рослого тодда, который, как

¹⁷ В сезон дождей, когда у подошвы гор льет проливной дождь, здесь он только капает по несколько часов в день, да и то урывками.

привидение древнего римлянина или грека, с гордым профилем, важно драпируясь в белую льняную тогу, подобной которой нет ничего похожего в Индии, глядит на индуса с благосклонным презрением быка, взирающего задумчиво на черную жабу. Здесь желтоногий пестрый ястреб неизменно-стей является могучим горным орлом; а иссохший ковыль и обгорелый репейник кактуса Мадрасских полей вырастет в гигантскую траву, в целые леса тростника, где слон может смело играть в прятки, не страшась людского взгляда. Здесь поет русский соловей, а кукушка кладет яйца в гнездо южной желтоносой майны, вместо гнезда своего северного друга, голубой вороны, которая превращается в этих лесах в свирепого, черного, как смоль, ворона. Здесь всюду контраст: куда ни глянешь, аномалия. Из густой листвы дикой яблони вылетают в светлый полдень мелодичные звуки, чириканье и песнь неизвестных в долинах Индии пернатых; а из темного бора несется подчас зловещий рев тигра и читты, да мычание дикого буйвола... Минутами торжественная тишина, царящая на высотах, прерывается тихими, таинственными звуками, шуршаньем, порою диким, сиплым криком. Затем все снова умолкает, замирает в благоуханных волнах чистого горного воздуха, и опять надолго воцаряется перерываемое ни одним звуком молчание. В такие минуты затишья одно внимательное, любящее природу ухо способно уловить биение ее мощного, здорового пульса, чутко угадывая его непрерываемое движение даже в этом немом заяв-

лении радостной жизни мириадами ее творений, видимых и невидимых.

Нет, не легко забыть Голубых Нильгири тому, кто пожил в них! В этом чудесном климате мать-природа, собрав свои разбросанные силы, собрала их в одно для произведения всех образчиков своего великого творчества. Она как бы чередуется проявлениями то северных, то южных полос земного шара. Потому-то она то оживляется, просыпаясь к деятельности, то снова замирает, усталая и ленивая... То видишь ее полудремлющую во всем величии облитой ярким солнцем юга красоты, убаюкиваемую согласно мелодией всех ее царств; то встретишь ее гордую и дикую, напоминающую о своей мощи колоссальными растениями тропических лесов и ревом ее великанских зверей. Еще один шаг в другую сторону, и она снова падает, как бы изнеможенная после крайнего усилия, и сладко засыпает на ковре северных фиалок, незабудок и ландышей... И лежит наша великая, мощная мать, тихо и неподвижно, овеваемая прохладным ветерком да нежными крыльями целого роя невиданных, волшебнo-красивых мотыльков и бабочек.

Теперь подножие этого холма обвито тройным поясом роц эвкалипта. Роци обязаны своим существованием ранним европейцам-плантаторам.¹⁸ Кто не знаком с этим пре-

¹⁸ Сорок лет тому назад тремя фунтами семян этого дерева, присланными из Австралии, генерал Морган засеял все пустые места и долины окрестностей Ут-такаманда.

красным *Eucalyptus globulus*, австралийским деревом, которое разрастается в три-четыре года, как другое не разрастется и в двадцать, тот не знаком с главной прелестью садов. Служа замечательным средством, очищающим воздух от всяких миазмов, такие рощи делают климат Нильгири еще более здоровым. Все ошалевшие от чересчур монотонно-горячих ласк индийской природы туземцы, как и представители Европы в Мадрасском президентстве, рвутся искать выздоровления и отдыха в лоне ее на этих горах; и она никогда не обманывает этих ожиданий; соединив, как в один букет, все климаты, все флоры, зоологию как и орнитологию пяти частей света; гений гор подносит все это от имени своей владычицы каждому забравшемуся в Нильгири усталому путнику.

«Голубые горы» – это визитная карточка с полным исчислением заслуг и титулов, которую природа, злая мачеха европейца в Индии, оставляет в знак полного примирения своему, ею же замученному пасынку.

Час такого примирения пробил и для наших бедных героев. Совершенно разбитые, они еле могли держаться на ногах. Пострадавший менее Уиша и более сильный Киндерзлей, отдохнув, стал обходить пригорок. Он старался высмотреть с этого холма в расстилавшемся перед ним хаосе скал и лесов удобнейший для возвращения путь. Ему показалось, будто он видел недалеко оттуда дым и поспешно вернулся к товарищу, чтобы сообщить ему новость, как вдруг он был

поражен будто громом... Пред ним стоял, повернувшись к нему в полуоборот спиной, бледный как смерть и как в лихорадке дрожащий Уиш. Вытянув руку, он конвульсивно тыкал указательным пальцем в даль. Тогда, взглянув по направлению пальца, всего в несколько сот футов от них, в ложбинке у самого подножия холма Киндерзлей заметил сперва жильё, а немного далее – людей. Вид этих предметов, который в другое время несказанно бы обрадовал их, поразил в то время почему-то обоих ужасом. Правда, дом был какой-то странный, невиданной ими прежде нигде архитектуры. В нем не было ни окон, ни дверей, и он был круглый, как башня, и с совершенно пирамидальной, хотя и закругленную сверху крышей. Что же касается людей, то на первый взгляд оба компанейца даже колебались принять их за людей. Оба инстинктивно бросились за стоящий невдалеке от них куст и, раздвинув ветви, глядели во все глаза на странныедвигающиеся перед ними фигуры. То, что они в них узрели, описано Киндерзлеем как «группа великанов, а возле них – несколько групп страшно уродливых карликов!» Забыв всю прошлую удаль и насмешки, они были готовы серьезно принять их за гениев и гномов этих гор; но вскоре оказалось – то были просто огромные тодды, их данники и обожатели баддаги и крошечные слуги этих данников, безобразнейшие в мире дикари муллу-курумбы.

Истратив весь заряд, потеряв одно из ружей и чувствуя себя в состоянии полного расслабления неспособными про-

тивиться нападению даже таких карликов, компанейцы собрались, незаметно скатившись кубарем с холма, улизнуть, как вдруг заметили подошедшего с тыла другого неприятеля. Подкравшиеся к ним и усевшиеся выше их на дереве, обезьяны внезапно открыли по ним пальбу весьма неприятным для них снарядом – грязью. Их стрекотанье и воинственные крики очень скоро привлекли внимание пасшегося невдалеке оттуда стада огромных буйволов. Буйволы замычали в свою очередь, высоко подняв головы к вершине пригорка, а затем и тодды, как видно, заметили их. По крайней мере через несколько минут отвратительные карлы появились перед ними и овладели безо всякого сопротивления двумя полумертвыми героями. С Киндерзлеем сделался, по его показанию, «обморок от одного испускаемого чудовищами-дикарями зловония». К их великому удивлению, однако, карлики их не съели и даже не очень помяли: «Они только прыгали да плясали перед нами, хохоча во всю огромную глотку», – пишет Киндерзлей. Великаны, то есть тодды, оказались совсем *джентльменами* (sic!). Удовлетворив свое весьма понятное любопытство при виде, как оказалось, первых белых когда-либо виденных ими людей, тодды напоили их превосходным буйволиным молоком, накормили похлебкой из грибов и сыром, а затем уложили отдыхать в замеченном ими пирамидальном домике, где оказалось «темно, но тепло и сухо и где они проспали, как убитые, до другого утра».

Всю ночь, как потом оказалось, тодды просидели в тор-

жественном совете. Несколько лет спустя, когда мистер Сэлливан, которого они до сих пор называют «отцовским братом»,¹⁹ самое почтительное у них после «отца» название, приобрел их искреннюю любовь и доверенность. Рассказывая ему об этой памятной для них ночи, тодды ему говорили, что они уже давно поджидали к себе в горы «людей со стороны заходящего солнца». На вопрос Салливана, как они могли это знать, они отвечали неизменно одною и тою же фразою: *так нам доено объявили буйволы, а они всегда и все знают*. В эту ночь их старики решили участь англичан, а также и перевернули новую страницу в книге своей собственной истории.

На другое утро, видя, что англичане еле могли двигаться, тодды приказали своим данникам снарядить для больных нечто вроде носилок, на которых их и понесли баддаги. Англичане заметили, что тодды услали еще с утра куда-то карликов. «С тех пор и до самого дня возвращения в Нильгири, мы их не видели и даже нигде не встречали», – рассказывает Киндерзлей. Как узнано позднее, особенно из рассказов миссионера Метца, тодды не без причины боялись для своих гостей враждебного присутствия карликов муллу-курумбов; они их послали назад в их лесные трущобы, *стро-го запретив им глядеть на белых странников*. Такое, немно-

¹⁹ По причинам, о которых будет заявлено далее, тодды не признают никаких родственников, кроме отца, да и то чаще всего номинально. Для тодда тот ему отец, кто его усыновит.

го странное запрещение было ими мотивировано миссионеру тем, что «взгляд курумбы *убивает непривыкшего к нему и боящегося его человека*», а так как боязливое отвращение англичан к этим карликам было, конечно, подмечено тогдами в первую же минуту их появления, то вследствие этого явилось и запрещение курумбам *глядеть* на пришельцев.

Бедные, великодушные тодды! Кто знает, как часто впоследствии раскаивались их старики, что недоброму глазу муллу-курумбов они не предоставили этих людей, от возвращения которых в Мадрас и их доклада зависела дальнейшая участь Нильгири!.. Но «так давно порешили буйволы... а они знают!»

Тихо медленно несомые на носилках баддагами, удивляясь и, конечно, радуясь своему негаданному счастливому изобавлению, англичане имели теперь случай лучше разглядеть дорогу и окружающие их окрестности. Они были поражены громадным разнообразием этой растительности, которая соединяет в себе почти все породы тропиков, а вместе с тем и северных климатов. Нередко им попадались гигантские старые сосны, шероховатые стволы которых совсем исчезали у корней среди алоэ и кактусов. Фиалки цвели у подножия пальм, и белоствольная береза и трепещущая осина отражались в темных тихих водах пруда, рядом с царским цветом Египта и Индии гордым лотосом. По дороге они находили фруктовые деревья всех стран, ягоды всех сортов от бананов до яблонь и от ананасов до малины и клубники. Страна

изобилия, благословенная обитель! «Голубые горы» видимо избраны природой одним из пунктов ее всемирной выставки!

Во все время спуска вокруг путников журчали сотни ручьев; из трещин скал била здоровая ключевая вода, поднимались пары из минеральных источников и всюду веяло прохладой, о которой они давно позабыли в знойной Индии.

В их первую по дороге ночь, с ними приключилось очень смешное происшествие. Баддаги, после небольшого совещания, вдруг насильно завладев ими, раздели догола и, не обращая внимания на их отчаянное сопротивление, окунули в теплую минеральную воду лужи и обмыли им раны и царапины. После этого, держа их поочередно на скрещенных руках выше уровня воды и прямо над теплым паром, стали петь нечто вроде заклинаний с аккомпанементом таких ужасных кривляний и диких возгласов, – пишет Киндерзлей, – «что нам серьезно почудилось одну минуту, будто они собираются нас принести в жертву одному из лесных богов».

Но англичане ошиблись, хотя лишь к утру убедились в несправедливости своего подозрения. Натерев им больные ноги каким-то тестом из мягкой глины и сочных трав, баддаги тепло закутали их и «буквально усыпили над теплым паром источника». Проснувшись на другое утро, они почувствовали необычайное облегчение во всем теле и особенно крепость в мускулах. Всякий след боли в ногах и сочленениях, как бы по волшебству, исчез. Они стали совершенно

здоровыми и окрепшими. «Нам сделалось положительно со-вестно перед этими, заподозренными нами так напрасно, ди-карями», – рассказывает Уиш в письме к приятелю.

К полудню они спустились так низко, что им стало доволь-но жарко, и они заметили, что перешли черту туманов и на-ходились уже на Куимбатурской стороне. Уиш пишет, что они не могли довольно надивиться одному: при восходе на гору они встречали ежечасно следы присутствия разных ди-ких зверей; им приходилось глядеть в оба и окружать себя величайшими предосторожностями, чтобы не попасть в ло-говище тигра, не наткнуться на слона или стаю читт... «те-перь же, на возвратном пути, *лес как бы вымер*: самые пти-цы щебетали, казалось, только издали, не подлетая к нам... нам не перебежал пути даже красный заяц». Баддаги вели их вниз узенькою, извиристою и еле заметною, но неправиль-ною тропой, не пересекаемую, видимо, никакими препят-ствиями.

Как раз перед заходом солнечным они вышли из лесу и скоро стали встречать на пути куимбатурцев из подгорных сел. Но им не пришлось знакомить их с проводниками. За-видя еще издали толпу возвращавшихся с работы кулей, бад-даги мгновенно исчезли, прыгая с одной скалы на другую, словно стая испуганных обезьян. Так чудесно спасенные ан-гличане остались снова одни. Но теперь они находились на опушке леса, и всякая опасность миновала. Подозвав людей, они узнали от них, что находятся почти в Малабаре, в Уинди,

то есть стране диаметрально противоположной Куимбатуру. Целая горная цепь отделяла их таким образом от водопада Калакамбе и деревни, из которой они отправлялись. Малабарцы вывезли их на большую дорогу и к ужину они были уже под гостеприимной кровлей *мунсифа*²⁰ небольшой деревушки. На другое утро они запаслись лошадьми и к вечеру прибыли благополучно в знакомую им деревню, в ту самую, откуда пустились в путь в заколдованные горы ровно двенадцать дней назад.

Слух о благополучном возвращении богохульных *саабов* из обители богов разнесся по селу и его окрестностям с быстротой молнии.

«*Дивы* не наказали дерзновенных... они даже не тронули *ферингов*, которые так смело вторглись в их веками замкнутые от остального мира владения... Что это значит? Неужели они избранники *Садду?*» - Вот что шепталось, сообщалось и передавалось из одного села в другое, пока не сделалось необычайным событием дня. Брамины хранили зловещее молчание. «Такова на этот раз, – говорили старики, – воля благословенных *див*; но что скажет будущее? Это одним им (сиречь, богам) известно». Волнение распространилось далеко за границы уезда. Целые толпы суевренных дравидов приходили простираться перед англичанами и отдавать им все предписанные для «избранников богов» почести.

Межевщики торжествовали. «Британский престиж» пу-

²⁰ Староста.

стил глубокие корни и утвердился на долгие годы у подно-
жия «Голубых гор»...

Глава 2

*А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь...*

Новое восхождение на Тоддабетский пик. – Англия объявляет «Голубые горы» британской территорией и кладет Нильгири в карман. – «Боги» разжалованы в смертные. – Различные гипотезы о тоддах.

До этой страницы, невзирая на данные, почерпнутые мною из печатных рассказов Киндерзлея и Уиша, наша быль все-таки выглядит сказкой. Не желая быть заподозренной даже в преувеличении, продолжаю описание уже со слов самого правителя куимбатурского, «высокоблагородного» (High Honourable) Д. Сэлливана, из напечатанных в тот год его рапортов Ост-Индской Компании. Таким образом, наша быль примет чисто официальный характер. Она не будет уже, как то могло казаться доселе, извлечением из полуфантастического рассказа еле живых, голодных охотников, быть может, в припадке лихорадочного от лишений бреда и не одной ссылкой на сказки суеверных дравидов, а дословным пересказом донесений английского чиновника и изложением его последующих статистических работ касатель-

но «Голубых гор». Мистер Д. Сэлливан жил на Нильгири и управлял его пятью племенами долгое время. Память об этом справедливом и добром человеке не исчезнет еще много лет. Она живет доселе на холмах,²¹ увековечена выстроенным им Уттакамандом с его прелестным озером и цветущими садами, а его книги, доступные каждому, служат свидетельством и подтверждением всего того, что читатель найдет далее. Интерес нашего рассказа может только возрасти от выписки подлинных слов покойного коллектора Куимба-тура.

Проверив во дни нашего личного пребывания на горах точность наблюдений над тоддами и курумбами целого роя чиновников и миссионеров и сравнив их показания и теории с данными из книг мистера Сэлливана и дословных показаний генерала и мистрис Морган, ручаюсь за достоверность сведений. Продолжаю летопись с того дня, как после чудного своего избавления землемеры вернулись в Мадрас.

Слухи о новооткрытой земле и ее жителях, о гостеприимстве и особенно об услуге, оказанной тоддами героям нашей второй главы, приняли под конец в стоустой молве такие размеры, что «отцы» проснулись и принялись наконец серьезно за дело.

Послали нарочного из Мадраса в Куимбатур. Теперь на

²¹ Сын его, мистер Е. О. Сэлливан известен всему Мадрасу, он уже несколько лет служит одним из четырех членов мадрасского генерал-губернаторского совета и живет почти все время на горах в Нильгири.

путешествие туда требуется двенадцать часов, а тогда потребовалось двенадцать дней. Пришел приказ «правителю» уезда от главного начальства: «Поручается, де, г-ну коллектору, мистеру Джону Сэлливану, исследовать и проверить глупые басни о «Голубых горах», а затем и донести о них по начальству».

Немедля коллектор снарядил экспедицию: уже не горсть людей, собранную кое-как межевщиками и тотчас же расстроенную, а такую экспедицию, словно он отправлялся с нею в полярные моря. С ним шла целая армия сипаев, несколько десятков боевых слонов, сотни охотничьих читт,²² собак и пони, а в арьергарде следовали дюжины две опытных охотников-англичан. Везли подарки: тогдам оружие, которого они никогда не употребляют, а курумбам – праздничные тюрбаны, которых те отродясь не надевали. Все было как следует. Везли палатки и инструменты, врачей и лекарства, быков на убиение и туземных арестантов для удобрения земли там, где приходится рисковать жизнью и терять людей, взрывая скалы и проводя дороги. Не везли только одного – туземцев-проводников, опять-таки потому что все люди этой профессии снова разбежались из деревень. Участь, постигшая двух малабарцев в первой экспедиции, была жива еще в памяти всех. То, что прошло даром «барасаабам», может взыскаться с туземцев, рассуждали запуганные брами-

²² Читты – вид гепардов, приученных к охоте за кабанами, медведями и сернами. Они в употреблении в Индии у всех охотников.

нами – с одной, а англичанами и их «престижем» – с другой стороны, устрашенные дравиды.

Трое «больших раджей» прислали посольства из Майсура, Вадьяна и Малабара с инструкциями молить коллектора, чтобы он пощадил страну и ее многие народности. «Гнев богов, – говорили они, – иногда бывает сдержан, но когда он разразится, то становится ужасным. Посыпательства на священные вершины Тоддабета и Муккертабета должно будет отозваться неслыханными бедствиями для всего края. Семьсот лет тому назад цари Чоллы и Пандии, желая завладеть горами, отправились было с двумя армиями воевать с дивами, но не успели они перейти за туманы, как все были задавлены с обеими армиями и всем обозом обрушившимися на них огромными скалами. В тот день пролилось столько крови, что скалы сделались от нее с тех пор ярко-багровыми на протяжении целых миль, и даже земля стала красною».²³

Но коллектор остался непоколебим. Англичанина умолить всегда бывает трудно. Он не верит в могущество богов; зато все плохо лежащее всегда должно принадлежать ему – по божественному праву.

Итак, в январе 1819 года караван мистера Сэлливана тронулся в путь и стал восходить со стороны Денайгонкотты, то есть, оставив «смерть посылающий» водопад в стороне.

²³ Действительно, в некоторых местах, особенно в Уттакаманде, не только скалы, но и земля, были красны, как кровь, но только от присутствия железа и других элементов. Дождь делает из улиц города красно-оранжевые потоки.

Вот что затем читала недоумевающая публика в «Мадрасском курьере» от 30 января и 23 февраля в перепечатанных этой газетой донесениях коллектора. Сокращаю и даю резюме:

«Имею честь доложить высокопочтеннейшей (Most Honourable) Ост-Индской Компании и их превосходительствам, гг. директорам, что вследствие приказанья, полученного (такого-то числа и проч.), я отправился (следует повторение вышесказанного) ... в горы. Заручиться проводниками я не успел; ибо под предлогом, что эти горы принадлежат их богам, аборигены объявили мне прямо, что предпочитают тюрьму и смерть путешествию за черту «тумана». Вследствие сего, снарядив отряд из европейцев и наших сипаев, 2 января 1819 года мы стали подыматься из деревни Денайгонкотты, отстоящей от подножья Нильгирийского «пики» на две мили... Для наглядного понятия о климате на этих горах, имею честь представить следующие сравнительные таблицы от первого до последнего дня восхождения».

Таблицы показывали, что тогда как со 2 до 15 января по всему Мадрасскому президентству термометр (по Фаренгейту) показывал во все время от 85° до 106° жары²⁴, – на Нильгирийских горах, начиная от 1000 футов над морской поверхностью ртуть стояла всего на 50° , спускаясь затем по мере восхождения и показывая на высоте 8076 футов всего 32°

²⁴ $85^{\circ}\text{F} \dots 106^{\circ}\text{F} = 30^{\circ}\text{C} \dots 41^{\circ}\text{C} - J.$

(то есть до нуля по Реомюру²⁵) в самые морозные часы ночи.

Забежав на минуту вперед, мы видим, что теперь, когда Нильгирийские холмы покрыты европейскими плантациями, город Уттакаманд имеет до 12000 постоянных жителей и все приведено в порядок и известность, климат этой прелестной страны есть уже сам по себе невиданное и чудесное явление: в 300 милях от Мадраса и в 11 градусах от экватора, от января до декабря температура, невзирая на юго-западный и северо-восточный муссон, вращается постоянно между 15 и 18 градусами разницы в продолжение самых холодных, как и самых жарких месяцев в году, от восхода до захода солнечного, в январе, как и в июле, на 1000, как и на 8000 футов высоты. Вот наглядное доказательство этому, взятое из первых наблюдений г. Сэлливана.

Термометр,²⁶ января 2 на 1000 футов высоты:

«В 6 часов утра – 57°; в 8 – 61°; в 11 – 62°; в 2 часа пополудни – 68°; в 8 часов вечера – 44°».

На 8700 футов высоты тот же термометр показывает 15 января: «В 6 часов утра – 45°; в полдень до 2 часов – 48°; в 8 часов вечера – 30°; ночью, в 2 часа, вода слегка замерзала в кувшинах».

И это в январе, заметьте, почти на 9000 футах над морем!

Внизу, в долине, 23 января, термометр стоял уже в 8 часов утра на 85° жары; в полдень – на 99°; в 2 часа пополудни – на

²⁵ 32°F также равняется 0°C – J.

²⁶ По Фаренгейту.

108°, а в 8 часов вечера – на 97°; в 2 часа ночи он показывал – 98°!

Чтобы не затруднять читателя цифрами, заключаю сведения о Нильгирийском климате следующей сравнительной таблицей средней температуры между Уттакамандом, ныне столицей «Голубых гор», Лондоном, Бомбеем и Мадрасом.

- Лондон 50°
- Уттакаманд (7300 ф.) 57°
- Бомбей 81°
- Мадрас 85°

Каждый хиревший и прощавшийся с печенью в Мадрасе спешил на эти благодетельные горы и почти всегда выздоравливал. В первые два года по основании Уттакаманда, то есть с 1827 до 1829 года, из 3000 постоянно поселившихся там жителей и 1313 приезжих временных гостей умерли только двое. В Уттакаманде год за годом смертность никогда не превышала ¼ %, и в замечаниях санитарного комитета говорится следующее: «Климат в Нильгири объявлен теперь с достоверностью самым здоровым в Индии. Губительное действие тропического климата не исчезает в нем только в тех случаях, когда у больного невозвратно разрушен один из главных внутренних органов» («Records of the Medical Board of Madras»).

Говоря о вековом неведении окружающих Нильгири народов об этой чудной местности, мистер Салливан рассуждает о нем в своем донесении так:

«Нильгирийские холмы расстилаются между 76° и 77° восточной долготы и 11° и 12° северной широты. С северной стороны они неприступны вследствие почти перпендикулярных скал. На южной стороне, милях в сорока от Океана, они покрыты до сей поры неисследованными, ибо непроходимыми, лесами; с запада и востока они замкнуты остроконечными утесами и холмами Хунда. Неудивительно, стало быть, что в продолжение многих веков они оставались вполне неизвестными остальному миру, а в Индии были ограждены от вторжения своею необычайною во многих отношениях своеобразностью».

«Взятые вместе эти две цепи, то есть Нильгирийская и Хундская, обнимают географическое пространство в 268494 квадратных мили, покрытое сплошь вулканическими скалами, долинами, ущельями и утесами».

Вследствие всего этого, уже на высоте 1000 футов экспедиция мистера Сэлливана увидела себя вынужденною оставить слонов и бросить почти весь багаж, так как приходилось продвигаться все выше и выше, перелезая через скалы посредством веревок и блоков. В первый день погибли три человека, на второй – семь человек арестантов. Сопровождавшие Сэлливана, Киндерзлей и Уиш не оказали ему ни малейшей помощи. Дорога, по которой их провели так легко на возвратном пути баддаги, исчезла навеки, как будто следы ее были замечены каким-то волшебством: ее не нашли еще и до

сей поры, хотя искали ее долго и тщательно. На все вопросы баддаги притворялись непонимающими. Очевидно, аборигены не имеют намерения выдавать англичанам *всех* своих тайн.

По одолении главного препятствия, то есть отвесных утесов и скал, окружающих Нильгирийскую гору словно сплошной китайской стеной, и после потери человек пятнадцати арестантов да двух сипаев, хотя партии предстояли еще большие затруднения, но она нашла себе скоро и награду. Подымаясь шаг за шагом, то вырубая выемки в скалах для ноги, то опускаясь снова на сотни футов на веревках в глубокие бездны, на шестой день путешествия англичане очутились наконец на довольно ровном месте. Здесь в лице коллектора Великобритании «объявила «Голубые горы» королевскою территорией. По водружении на высокой скале английского флага», – «нильгирийские боги сделались подданными его великобританского величества».

С этого часа экспедиция стала встречать следы человеческого жилья. Она увидела себя в «стране волшебной, величественной красоты»; но через несколько часов «эта картина вдруг чудодейно исчезла: мы снова попали в туман. Незаметно подкравшись, облако окутало нас со всех сторон, хотя мы давно, – как думали Киндерзлей и Уиш, – перешли за черту вечного тумана».

В те годы Мадрасское метеорологическое отделение обсерватории не успело еще решить характера этого странного

явления и приписать оное, как теперь, его настоящим причинам.²⁷ Поэтому и мистер Сэлливан мог только, удивляясь, констатировать феномен, описав, как он тогда появился. «В продолжение целого часа, – пишет он, – мы чувствовали себя *осязательно* среди окружающего нас теплого, мягкого, *как пух*, тумана, что доказывали наши насквозь промокшие платья. На расстоянии полушага люди стали друг у друга пропадать на глазах: – до того облако было густо; а затем люди, как и части окружающей нас панорамы, начали быстро прыгать перед нами, то появляясь, то снова исчезая в этой мокрой и словно освещенной бенгальским огнем голубоватой атмосфере»...

Местами вследствие затруднительного медленного подъема «пар делался до того невыносимо горяч», что некоторые из европейцев «чуть было не задохлись».

К сожалению, ни натуралисты, ни физики высокопочтен-

²⁷ Во время муссонных дождей, особенно юго-западного муссона, атмосфера постоянно более или менее наполнена густыми испарениями. Туман, формируясь сперва на вершинах, по мере того, как жара дня уступает вечерней сырости и пары опускаются ниже, расстилается по всем скалам подножья. К этому следует прибавить постоянные болотные испарения из лесов, где древесная чаша сохраняет почву влажною круглый год, и где болота и пруды никогда не высыхают, как то бывает в долинах. Вследствие этого Нильгирийские горы, опоясанные рядом выступающих вперед утесов с далеко нависшими скалами, удерживают большую часть года пары, которые затем и превращаются в туман. За чертой их атмосфера в горах всегда чрезвычайно чиста и прозрачна: туманы бывают видны только снизу, а с больших высот их не видно. Но все-таки мадрасские ученые не могут решить до сей поры проблему необычайно яркого голубого цвета как туманов, так и самих гор.

ной Компании, сопровождавшие мистера Сэлливана, не могли или не успели исследовать этого явления. Не далее как через год после того было уже поздно изучать его: как только большая часть утесов, которые когда-то опоясывали «холмы», стали исчезать один за другим, взрывааемые для прокладки дорог в Нильгири, исчезло бесследно и само явление.²⁸ Пропал голубой пояс Нильгири. Теперь туман является гораздо реже:— только во время муссонов. Зато сами горы сделались еще синее издали, еще более яркого, лазоревого цвета...

Первые донесения коллектора полны хвалений и удивления природному богатству и изобилию этой чудной страны. «Где только мы ни проходили, почва оказывалась всюду превосходною. Мы узнали от баддаг, что она дает по два урожая в год пшеницы, ячменя, гороха, опиума и других разных злаков. Невзирая на мороз январских ночей, мы нашли мак в полном цвету. По-видимому, мороз не оказывает в этом климате никакого действия на растительность... Во всех долинах и ущельях мы находили превосходную воду. На каждой четверти мили непременно встречался горный ручей, который нам приходилось, часто с опасностью, переходить вброд. Многие из источников сильно пропитаны железом, температура некоторых Превышала namного температуру возду-

²⁸ А дорога до сих пор, то есть конная, только одна Силурская из Мегоноллама: все другие опасны, и по ним могут проходить только пешие и привычные кули да их маленькие пони.

ха... Куры и домашняя птица, найденная у оседлых баддаг, вдвое больше самых крупных пород той же птицы в Англии; а наши охотники нашли, что нильгирийская дичь, особенно фазаны, куропатки и зайцы, последние совершенно красного цвета, тоже гораздо крупнее этой дичи в Европе. Волки и шакалы встречались нам целыми стаями... Также попадались тигры, очевидно, еще не знакомые с ружьем и несколько пар слонов. Последние, посмотрев на нашу компанию, отвертывались довольно равнодушно и уходили в лес, не торопясь и как бы в полном неведении о возможной опасности... Южная сторона гор, покрытая на 5000 футов своей высоты тропическими, вполне девственными лесами, изобилует слонами особенного, почти черного цвета и величиной выше цейлонских слонов. Змей много и весьма красивых; в местностях, превышающих 3000 футов, они совсем безвредны (как это теперь доказано). Обезьян тоже несчетное число и на всех высотах».

Да будет замечено к слову, что англичане безжалостно с тех пор их истребляют.²⁹ Бедные наши горемычные «прародители»! И каких только нет в Нильгири обезьян: от больших черных, с серыми пушистыми капюшонами «лангуров» – *Presbytis jubatus* – до «льва-обезьяны» *Inuus eilenus*. Лангуры живут на вершинах самых высоких скал, в глубоких трещинах отдельными семействами, как настоящие «пещерные

²⁹ Туземный шикари, если он не магометанин, ни за что не убьет обезьяны; она для него священна всюду в Индии.

первобытные люди». Красота их меха служит предлогом к жестокому избиению европейцами этого кроткого и чрезвычайно умного животного. «Львы-обезьяны» счастливее. Они избежали такой горькой участи, выбрав себе местом жилья такие трущобы, куда еще не заходила нога человека. «Льва-обезьяну» можно встретить только на опушке леса на южной стороне «Голубых гор», куда они выходят иногда погреться на солнце. Завидя человека, они тотчас же спасаются в непроходимые чащи Малабарских лесов. Голова у этой обезьяны совершенно львиная, с бело-желтою гривой и пучком таких же волос на кончике хвоста, откуда и название их.

В этом описании флоры и фауны «холмов» я, конечно, придерживаюсь не одних показаний и исследований Сэлливана во время его первого восхождения. В те дни он знал еще очень мало и описывал лишь то, что встречал в дороге, вследствие чего я и дополняю его показания позднейшими открытиями.

Наконец, они напали на след настоящих обитателей и владельцев Нильгирийских гор, тоддов и курумбов. Чтобы не возвращаться опять к предмету, скажем тотчас же, что тогда как по позднейшим сведениям баддаги, живущие с тоддами уже около семисот лет, являлись иногда им одним известными дорогами в полянах Куимбатура, где живут их сродники, другие баддаги – тодды и курумбы – оставались совершенно неизвестны туземцам. Они и теперь, когда давно уже установилось правильное и ежедневное сообщение меж-

ду Уттакамандом и Мадрасом, никогда не сходят со своих гор. Долго не знали, чему приписать такое неестественное молчание баддаг о существовании двух живущих вместе рас. Теперь решили, и кажется весьма справедливо, что тайна объясняется лишь одним суеверием, начало и причина которого, впрочем, все еще остаются европейцу необъяснимыми, а для каждого туземца – весьма понятными. Не говорили баддаги о тоддах потому, что для них тодды – боги, неземные существа, которых они боготворят; а произносить имена своих *фамильных*, раз избранных божеств,³⁰ считается у индусов за величайшее им оскорбление, за кощунство, на которое не решится ни один туземец, даже под угрозой смерти. А курумбов они ненавидят, страшась их столько же, сколько обожают тоддов. Одно уже, хотя бы тихо произнесенное имя «Курумбы», навлекает, по их мнению, несчастье на того, кто его произносит.

Поднявшись на высоту 7000 футов и выйдя на волнообразную широкую поляну, партия изыскателей нашла группу зданий у подножья скалы, которые Киндерзлей и Уиш тотчас же признали за уже виденные ими дома тоддов. Каменные домики без окон и дверей, с их пирамидальными крышами, были им слишком памятны, чтобы они могли их забыть. За-

³⁰ Каждое семейство индусов, хотя и принадлежащее к одной секте и одной касте с прочими, выбирает себе свое особенное, именно, *фамильное* божество из 33 миллионов национального пантеона; и об этом божестве, хотя оно всем бывает известно, члены семьи никогда не упоминают, считая каждое произнесенное о нем слово – *профанацией*.

глянув в единственное отверстие, служащее в таких домах вместе окном и дверью, они нашли жилища пустыми, хотя видимо обитаемыми. Далее, мили за две от этой первой «деревни», они увидели:

«...Картину, достойную кисти художника и перед которою мы остановились в неописуемом изумлении, а сопровождавшие нас сипаи-туземцы – в великом и суеверном страхе», – докладывает коллектор. – «Перед нашими глазами открывалась сцена из быта древних патриархов. На разных пунктах пространной, обрамленной кругом высокими утесами долины паслось несколько стад огромных буйволов с колокольчиками и серебрянными бубенчиками на рогах... а далее – группа длинноволосых, с седыми бородами почтенного вида старцев, укутанных в белые мантии»...

То были, как они узнали позднее, старшины поджидавших их тоддов и священные буйволы *Тоузля* (ограды храма) этого племени. Вокруг них полулежали, сидели, ходили и стояли «в позах, живописнее коих ничего нельзя себе вообразить», человек семьдесят или восемьдесят мужчин с непокрытыми головами. При одном взгляде на таких «красивых, рослых Голиафов» первая мелькнувшая в голове почтенного англичанина и патриота мысль была о возможности «сформировать особенный полк из этих молодцев и, послав в Лондон, подарить его королю!»... Позже он сам увидел непрактичность такой мысли: но в первые дни тодды поразили его

и «совершенно заполонили своею замечательною, совсем не индийского типа, красотой». Шагах в двухстах от мужчин сидели их женщины, с длинными, гладко причесанными и распущенными по спине волосами и в таких же мантиях. Он насчитал их около пятнадцати и с ними – с полдюжины ребяташек, совершенно нагих, невзирая на январский холод.

В другом описании гор³¹ товарищ Сэлливана, полковник Хеннесей, распространяется на десяти страницах о разнице между тоддами и другими индусами, с которыми в неведении их языка и обрядов долго их смешивали.

«Как англичанин разнится от китайца, так тодд отличен во всем от других туземцев», – пишет он. – «Теперь, когда я узнал их лучше, мне становится почти понятным, почему баддаги, сродников коих мы знавали и прежде в горах Майсура, взирают на этих людей как на высшую, почти божественную расу... Тодды положительно похожи на богов, как их представляли древние греки. Из нескольких сот молодцов (fine men) этого племени я еще не видал ни одного ниже 6 ¼ футов ростом. Они сложены великолепно и черты лица у них чисто классические... прибавьте верные, блестящие, густые волосы, обрезанные (в кружок) низко на лбу, над бровями, а за ушами падающие на спину тяжелыми массами кудрей, и вы получите некоторое представление об их красоте. Усы и бороды их, которые они никогда не стригут, такого же цвета. Большие, карие, иногда темно-серые и даже

³¹ «The Tribes of the Nilgherry Hills».

синие глаза смотрят на вас глубоким, нежным, почти женским взглядом... улыбка кроткая и веселая, как бы младенческая в своем выражении. Рот, даже у дряхлых стариков, украшен крепкими, целыми, часто великолепными зубами. Цвет лица светлее северных канарезцев. Одеваются они все одинаково: род римской белой тоги из полотна, с одним концом, закинутым сперва под правую руку, а затем – назад, за левое плечо. В руках посох с фантастическими на нем вырезками... Когда я узнал его мистическое назначение и веру владельцев в его магическую силу, этот маленький, в два с половиной фута длины бамбук смущал меня не раз... Но я не смею, *не имею права,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.